

Анализ рассказа В. Набокова «Облако, озеро, башня»

Вероника Токарева (Образовательная программа «Филология»)

Число три – детали на перроне, в комнате, название рассказа, три яйца

Приступая к анализу любого произведения, в первую очередь необходимо обратить внимание на его название, проследить, как оно может помочь при дальнейшем анализе. Так и здесь: название «Облако, озеро, башня» в первую очередь указывает на дактилическое, трехчастное построение рассказа. На дактиль обращено внимание и в самом тексте: «высилась прямо из дактиля в дактиль старинная черная башня». Этот трехстопный размер играет важную роль для описания настроения и деталей: ямбический Тютчев, которого пытается читать герой в поезде, отмечается его попутчиками, общая хоровая песня хореем, которую совсем не хочется петь Василию Ивановичу, – все это контрастирует с дактилическим настроением рая, который герой позднее встречает.

Для более полного описания рассказа необходимо оставить на время тему рая, который нашел герой, и вернуться к определению главных тем в рассказе. Форма «рассказ в рассказе», которую использует Набоков, позволяет нам лучше понять героя и собственно рассказчика. Василий Иванович – берлинский служащий русского происхождения – является наемным сотрудником («представителем») рассказчика. Характер их отношений становится известен в самом начале: они не являются друзьями: судя по тому, что рассказчик не уверен в том, что правильно вспомнил имя и отчество героя, однако довольно хорошие знакомые: все-таки Василий Иванович очень подробно и ярко рассказал тому все произошедшее. Кто же такой рассказчик? Очевидно, это крупный предприниматель, который может себе позволить наемных сотрудников и достаточную оплату их труда. Русский ли он? Неизвестно, однако судя по тому, как он сочувствует Василию Ивановичу, хозяину дома, и какими пошлыми описывает его спутников-немцев, кажется, что скорее да. Вдобавок, есть момент, на который стоит обратить особенное внимание: «Да ведь это какое-то приглашение на казнь, – будто добавил он, когда его подхватили под руки». Василий Иванович не «добавляет», он «будто добавляет» отсылку на известнейший набоковский роман, который, несомненно, перекликается с главным сюжетом рассказа. Герой «Приглашения на казнь», как и Василий Иванович, видит другой, особенный мир, невидимый окружающим его пошлым людям, за что он, собственно, и приговаривается к казни. И Василия Ивановича ждет казнь в финале рассказа – его избивают в вагоне поезда, но он тоже выживает и оказывается сильнее того мира,

который пытался его подавить. Это сравнение, которое ставит под сомнение реальность всего происходящего, которое раскрывает возможность рассказчика приукрасить и изменить повествуемое, заставляет читателя задаться вопросом – а не Набоков ли сам является рассказчиком?

Автор играет с восприятием читателя – хоть повествование и построено в форме третьего лица, то тут, то там появляются личные притяжательные местоимения: «любовь моя», «послушная моя». Это «моя» относится не к рассказчику, это передача мыслей Василия Ивановича, это только его любовь. Эти мысленные восклицания приближают читателя к герою, дистанция между ним и рассказчиком заметно сокращается. Дистанция также сокращается, когда рассказчик уточняет: «нас с ним всегда поражала эта страшная для души анонимность всех частей пейзажа». Это «нас с ним» обнажает сходство между ними, их одинаковый взгляд на мир и внимание к деталям.

Начиная разговор о любви и мироощущении Василия Ивановича, стоит обратить особое внимание на тему судьбы в рассказе. Поездка была герою «навязана случайной судьбой в открытом платье», и подобная тавтология «случайная судьба» совсем не случайна. Во многих произведениях Набокова тема судьбы занимает одну из самых главных ролей – герой романа «Дар» видит и воображает свое будущее, герой рассказа “«Signs and Symbols»” повсюду находит знаки судьбы, герой «Лолиты» Гумберт Гумберт также все время чувствует в себе ощущения неминуемого трагического конца. Так и здесь Василий Иванович уже в самом начале предчувствует, что неведомая судьба ведет его к обретению счастья, что произойдет нечто прекрасное и удивительное, что изменит его жизнь навсегда. В произведениях Набокова подобное предугадывание никогда не беспочвенно: именно по законам судьбы строятся сюжеты и совершаются поступки, судьба всегда ведет героев и не оставляет их предвидения неисполненными.

Наконец необходимо приступить к анализу знаков и деталей, которыми богат рассказ. Трехстопный дактиль, введенный в самом начале при помощи оглавления, играет роль и далее. Все детали, которые подмечает Василий Иванович в процессе путешествия, те детали, что приносят ему ощущение счастья, поделены на три. Встреченные на перроне «пятно [...], вишневая косточка, окурок», три яйца, взятые с собой в путешествие и не оцененные немцами-попутчиками, увиденный героем подлинный рай, состоящий из «облака, озера и башни» и три самые важные вещи, которые Василий Иванович планирует выслать из Берлина, – «книги, синий костюм, ее фотография». Все прекрасное, что видит герой, делится на три.

Единственное обнаруженное на небе облако, которое не двигается и не изменяет своего положения во время наблюдения, подчеркивает статичность райского образа, постоянность того счастья, что может быть достигнуто в этом месте. И в этом мире счастья герою уже, скорее всего, и не понадобятся берлинские вещи: их просто жалко оставлять в чуждом ему городе. Он ведь, вероятнее всего, не будет носить здесь синий костюм, и не будет читать старых книг – это все осколки воспоминаний того, что было ему когда-то дорого. В новом доме, что он нашел, будет уже новое и неизведанное доселе счастье, а потому вещи из прошлой жизни уже не понадобятся. Кто эта загадочная «она» с фотографии? Для ответа на этот вопрос нужно вернуться в начало произведения, к «чужой жене, которую он восьмой год безвыходно любил». Эта отчаянная любовь, скорее всего, не продолжится в этом месте, ведь эта любовь – там, в Берлине, а здесь любовь новая, настоящая. И эти его восклицания «моя любовь», направлены не на женщину, но на природу и мир, который он видит. Мир – его любовь.

Композиция из трех составляющих также возникает и при описании гостевой комнаты в доме: зеркало, окно и пол. Не сразу, но при внимательном чтении, бросится в глаза цветовая гамма этих составляющих. Зеркало – белое, так как оно «наполовину полное ромашкового настоя» (имеется в виду отражение настенных рисунков), окно, за которым голубое озеро и голубое небо, и красный пол внизу. Подобная картина отчасти объясняет ощущение счастья героя – близость к Родине. И русский мужик, плохо знающий немецкий, и картина природы, и цвета российского флага – все отдает эмигрантским настроением тоски по счастью и по родным местам, желанию обрести подобный тихий русский покой на чужой земле.

Финал рассказа трагичен, но вместе с тем ведет к ожидаемому счастью: рассказчик отпускает своего служащего. То «разумеется», с которым рассказчик отпускает Василия Ивановича как будто является попыткой отплатить за то ужасное чувство несправедливости, появившееся в душах героя и читателя после сцены с «казнью». И эта казнь, детали которой неизбежно отсылают нас к образу распятого Христа («буравили штопором ладонь, потом ступню»), подчеркивают мучения героя, его податливость и отсутствие противостояния с этим миром, однако явное неприятие его. Мольбы героя в финале, конечно, не необходимы, рассказчик отпустил бы его в любом случае. Если посмотреть на эту сцену с точки зрения христианских отсылок, то рассказчик оказывается своеобразным Богом в такой ситуации: после исповеди и мольбы он отпускает, отправляет героя в дактилический рай, к которому тот так стремится.

Анализ рассказа В. Набокова «Облако, озеро, башня»

Библиография

Облако, озеро, башня. // Впервые под названием «Озеро, облако, башня»: Русские записки.
1937 г. №2